

Оригинальная статья

Когнитивно-дискурсивное моделирование процессов языковой номинации

Тагаев Мамед Джакыпович

Киргизско-Российский Славянский университет им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, Киргизия, г. Бишкек

mamed_tagaev@list.ru

Поступила в редакцию 02.12.2021. Принята после рецензирования 13.01.2022. Принята в печать 10.03.2022.

Аннотация: Вопрос о том, «как можно делать новые слова» (Л. В. Щерба), не имеет решения с позиций системно-структурной лингвистики, поскольку ее методология стремится максимально дистанцироваться от человеческого фактора и деятельности человека. В этой связи во вводной части статьи проводится анализ двух дериватологических концепций – Г. С. Зенкова, яркого представителя структурного направления в языкознании из Кыргызстана, и Л. А. Араевой, основателя Кемеровской дериватологической школы, отличием которой является антропоцентрическая направленность. В основной части статьи описываются процессы переработки знания и закрепления их способами морфемной, семантической и синтаксической деривации. Проводится мысль о том, что национально-культурный компонент в лексическом значении мотивированных слов, создаваемых путем морфемной и семантической деривации, закладывается и формируется в условиях типизированной когнитивно-дискурсивной ситуации, что обнаруживается при рассмотрении ее с позиций других языков. Язык возникает, развивается и функционирует по меркам не абстрактного человека, а конкретного, причем с учетом национально-культурного, ландшафтного и хозяйственного пространства, в котором исторически формируется этнос. Следовательно, процессы создания новых слов не могут изучаться абстрактно и формально, а должны рассматриваться как ответ на запросы и вызовы конкретного этнического коллектива.

Ключевые слова: деривация, пропозиционально-фреймовый анализ, типизированная ситуация, мотивация, системно-структурный подход, человеческий фактор, антропоцентрическая лингвистика

Цитирование: Тагаев М. Дж. Когнитивно-дискурсивное моделирование процессов языковой номинации. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 2. С. 186–193. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-186-193>

Full article

Cognitive-Discursive Modeling of Language Nomination

Mamed Dzh. Tagaev

Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan, Bishkek

mamed_tagaev@list.ru

Received 2 Dec 2021. Accepted after peer review 13 Jan 2022. Accepted for publication 10 Mar 2022.

Abstract: Systemic and structural linguistics has no answer to the question of how one can make new words, as formulated by Prof. L. V. Shcherba. Its methodology strives to distance itself from the human factor and human activity. The present article introduces an analysis of two derivatological concepts. The first one was developed by G. S. Zenkov, a prominent representative of the structural direction in Kyrgyz linguistics. The second belonged to L. A. Araeva, the founder of the Kemerovo derivatological school with its anthropocentric orientation. The processes of knowledge processing are consolidated by means of morphemic, semantic, and syntactic derivation. The national and cultural component of lexical meaning of motivated words, created by morphemic and semantic derivation, develops in a particular cognitive and discursive situation. This situation becomes clear if approached from the standpoint of another language. A language appears, develops, and functions not by the standards of an abstract person, but by those of a particular language user as part of a particular national, cultural, natural, and economic environment that gave rise to a particular ethnos. Consequently, the processes of creating new words cannot be studied abstractly and formally, but only as a response to the requests and challenges of a particular ethnic community.

Keywords: derivation, propositional-frame analysis, typified situation, human factor, motivation, systemic-structural approach, anthropocentric linguistics

Citation: Tagaev M. Dzh. Cognitive-Discursive Modeling of Language Nomination. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(2): 186–193. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-2-186-193>

Введение

Л. А. Араева, известный ученый и необыкновенная личность, щедро делившаяся своими знаниями, идеями с коллегами и учениками, открыла новые горизонты в развитии словообразовательной когнитологии, заострив внимание на том непреложном факте, что процессы создания новых слов непосредственным образом связаны с человеческим фактором. Созданная ей Кемеровская дериватологическая школа, которой она руководила в течение многих лет, внесла огромный вклад в словообразовательную науку и теорию номинации. Как лидер этого направления Л. А. Араева придала новый импульс словообразовательной науке, благодаря чему совершился ее кардинальный разворот в сторону антропоцентрической лингвистики. Исследования К. М. Аносова, А. Г. Антипова, О. А. Булгаковой, Э. С. Денисовой, И. В. Евсеевой, П. А. Катышева, М. Н. Образцовой, М. А. Осадчего, А. В. Проскуриной и других ученых, относящих себя к представителям этой научной школы, находятся в центре внимания лингвистов Кыргызстана.

Можно провести некоторые параллели словообразовательной концепции Кемеровской дериватологической школы с учением о словообразовании профессора Г. С. Зенкова (Кыргызстан). Эти теории являются двумя крайними полюсами в методологических подходах к описанию и объяснению процессов языковой номинации.

Для Г. С. Зенкова единственно значимым было понимание языка как имманентной системы, когда язык, следуя известному выражению Ф. де Соссюра, изучается «в самом себе и для себя». Главная цель его учения – обоснование теоретической концепции относительно устройства и функционирования словообразовательной системы языка, состава структурно-функциональных единиц, положенных в основу ее описания. В одной из своих основополагающих работ еще в 1969 г. Г. С. Зенков писал, что «общая теория словообразования до сих пор не обсудила по-настоящему вопроса о принципах организации словообразовательных элементов в систему» [1, с. 7]. Над решением этой проблемы ученый работал на протяжении всей жизни. Концепция Г. С. Зенкова относительно системного устройства словообразовательного уровня языка получила окончательное завершение в его монографии 2004 г. [2].

Согласно концепции, словообразовательный ярус языка имеет два уровня членения: структурологический и генератологический. Структурологический уровень описывает результаты словообразовательного процесса, которые представлены в языке как лексический корпус из мотивированных слов. Основным методом изучения структуры мотивированных слов является анализ, а цель такого анализа – определить инвентарь морфем и провести их идентификацию на основании функционального тождества.

При генератологическом описании внимание исследователя переключается со структуры готовых слов на процессуальные стороны их создания. Для описания этих процессов необходимо было привлечение такой структурно-функциональной единицы, которая наилучшим образом отражала бы и динамику этих процессов, и синхронические отношения словообразовательной выводимости одной единицы из другой. Единицей, отвечающей данным условиям, явился словообразовательный тип, использование которого для системного описания словообразования оказалось настолько плодотворным и эффективным, что во многих грамматиках, в том числе и в академической (1980 г.), словообразовательная система была представлена как «совокупность словообразовательных типов языка в их взаимодействии»¹.

Постановка проблемы

Несмотря на достигнутые успехи, словообразование оставалось наукой описательной, т.к. ученые фиксировали языковые факты как таковые и не пытались их объяснить или находили объяснение в рамках имманентной лингвистики, методологические принципы которой не давали исследователю возможности выхода из строго очерченных рамок. Концепция Г. С. Зенкова была направлена на то, чтобы «описать потенциальные возможности, заложенные в языке как системе функциональных инвариантов, и установить закономерности актуализации (точнее – предрасположенности, способности актуализации) этих инвариантов на уровне нормы языка» [2, с. 254]. Чувствуя, что системно-структурная лингвистика не способна объяснить мотивы создания новых слов, ученый часто сравнивал словообразовательные процессы с механизмом действия «черного ящика», который вскрыть невозможно, а о том, что в нем делается, можно было судить по результатам, получаемым на выходе, т.е. по производным единицам². Ограниченность методологии системно-структурной лингвистики заключалась в том, что она, стремясь к максимальному нивелированию человеческого фактора в языке, к фактам, имеющимся на входе и выходе, относилась только к тем, которые постулировались внутренней лингвистикой как принадлежащие сфере формальной логики. «Такая точка зрения верна только в том случае, если участниками коммуникации являются неодушевленные механизмы. Диалог предполагает принципиальное коммуникативное равенство участников общения и не сводится только к передаче информации. Это не столько обмен мыслями, сколько установление общего смыслового поля» [3, с. 29].

Естественно, на таких основаниях невозможно было объяснить механизм действия «черного ящика», т.е. работу человеческого мозга по созданию новых слов, где берет свое начало язык как «мир, лежащий между миром внешних

¹ Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология, гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. С. 135.

² Система, которую представляют как «черный ящик», рассматривается как имеющая некий «вход» для ввода информации и «выход» для отображения результатов работы, при этом процессы, происходящие в ходе работы системы, наблюдателю неизвестны.

явлений и внутренним миром человека» [4, с. 304], где большей частью взаимодействуют явления нелингвистического порядка, такие как образное мышление, восприятие, интенции, аксиология, ассоциации, воображение, эмоции, в совокупности создающие национально-культурное видение мира. Именно эти факторы становятся «духовной силой» (или движущей энергией), активно влияющей на процессы создания и языковой номинации смыслов, в том числе и словообразовательными способами.

Выдвинув функциональный принцип в основу организации системы словообразования, Г. С. Зенков на генератологическом (процессуальном) уровне подвел множество однофункциональных словообразовательных типов под функционально-семантическую единицу более высокой степени абстракции – дериватему, которая обобщает и фокусирует в себе словообразовательные значения целого ряда словообразовательных типов, отвлекаясь от них по линии словообразовательных средств. В одну дериватему входят словообразовательные модели, по образцу которых созданы производные слова типа *грязнить, желтить, пьянить, рыжлить*, в другую – модели, включающие дериваты типа *выпрямить, высветить, укрупнить, обогатить* и т. д. Основанием для выделения такой категории служат конкретные производные слова со словообразовательным значением «наделять признаком, названным мотивирующим прилагательным».

Как отмечает Л. А. Араева, «для структурно-системной лингвистики, равно как и для когнитивной, первостепенную значимость имеет рассмотрение языковых фактов в рамках модели (категории)» [5, с. 23]. Следовательно, дериватема Г. С. Зенкова тоже носит категориальный характер и является результатом функционального осмысления словообразовательных значений, что также имеет отношение к мыслительной деятельности человека, только на абстрактно-логическом уровне, т. к. «мозг человека работает по аналогии... в таких категориях, как словообразовательные типы» [6, с. 38]. В силу абстрактного характера дериватема способна классифицировать словообразовательные факты как результат деривационного процесса, но не может объяснить мотивы и природу их возникновения.

Человеческий фактор в дериватологии

Методология антропоцентрической лингвистики коренным образом изменила подходы к изучению языка, поскольку ее онтологические основания позволяют привлечь человеческий фактор к описанию языка не как к результату, а как к процессу в том понимании, какое мы встречаем у В. фон Гумбольдта: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. <...> Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а сама деятельность (Energeia)» [4, с. 70]. Если язык – это деятельность, то он никак «не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем» [7, с. 6].

Анализируя концепцию Э. Бенвениста, Ю. С. Степанов формулирует положение, которое считается отличительной чертой антропоцентрического направления в языке: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» [8, с. 15]. Отметим, что язык возникает, развивается и функционирует по меркам не абстрактного человека, а конкретного, причем с учетом национально-культурного, ландшафтного и хозяйственного пространства, в котором исторически формируется этнос, т. к. «язык и жизнь суть неразделимые понятия» [4, с. 112]. Следовательно, процессы создания новых слов не могут изучаться абстрактно и формально, а должны рассматриваться как ответ на запросы и вызовы конкретного этнического коллектива. «Язык, какую бы форму он ни принимал, всегда есть духовное воплощение индивидуальной жизни нации» [4, с. 72]. Язык представляется лингвокультурным кодом, своеобразным ключом к пониманию языковой картины мира [9, с. 56].

Таким образом, если мы активно вводим фактор человека в методологию описания живого языка, то мы не можем не учитывать особенности национальной психологии и этнокультурные особенности нации, которые отражаются в семантике и прагматике языковых форм, создавая неповторимую идиоматичность языка. Сложность изучения второго языка обусловлена не только своеобразием его грамматического строения, но и тем, как человек видит и интерпретирует мир. Не случайно В. фон Гумбольдт сравнивал процесс овладения другим языком с занятием иной позиции в прежнем видении мира [4, с. 80].

При этом важно заметить, что другая позиция наблюдателя обнаруживается при условии, если описываемый язык рассматривается через призму другого языка, в сравнении с которым вскрывается идиоматичность первого. Носитель родного языка сам не способен осознать и заметить его своеобразие, поскольку он настолько врос в его стихию, формы и языковую семантику, что и не представляет, как это могло быть иначе.

Семантическая сторона каждого национального языка стремится воплотиться в языковых знаках, создать свое идиоматичное национально-культурное пространство, содержание которого отражает образ мира в представлении членов данного языкового коллектива. Между людьми, погруженными в это пространство, создается общая интертекстуальность, синергетичность, облегчающая взаимопонимание, процессы идентификации и категоризации языковой личности по принципу фамильного сходства. Этим целям служит индивидуальность слов, которые «в разных языках, даже обозначая в целом одинаковые понятия, все-таки никогда не бывают в подлинном смысле синонимами» [4, с. 181]. Эта индивидуальность создается за счет различия способов видения одного и того же предмета разными языками для удовлетворения внутренних потребностей этноса. Например, представители тюркских народов видят в печени человека (кирг. *боор*) средоточие родственных чувств,

а через призму его внутренних органов (кирг. *ич* 'живот, желудок') – свои ощущения, переживания, а также используют название этого органа для характеристики моральных качеств человека³. Не случайно тюркские языки называют «печеночными» языками.

СГ *боор* 'печень' в киргизском языке

боорум (моя печень) 'родной, единокровный'
бооркер (имеющий отношение к печени) 'отзывчивый, склонный поддерживать родственные отношения'
боордош (имеющий единую печень) 'дружественный'

СГ *ич* в киргизском языке

ичим ачышат (внутренности, словно посыпаны солью) 'сожалею, скорблю'
ичим чыкпайт (внутренности не сходятся) 'не доверяю, не верю'
ичим күйөт (внутренности горят) 'сильно переживаю'
ичи тар (внутренности тесные) 'завистливый, скупой'
ичи кенен (внутренности вместительные) 'добрый, щедрый'

Каждый этнос производит такую категоризацию и национально-культурную интерпретацию фактов окружающего мира средствами языка, которая максимально обеспечивает процессы, связанные с выживанием и развитием данного общества. Поэтому источником формирования семантики языковых форм в первую очередь является сама жизнь и человеческая деятельность, без связи с которыми язык становится мертвым. Даже мертвые языки при обретении ими связи с непосредственной действительностью «мгновенно возвращаются к жизни» [4, с. 112]. Примером такого возрождения может служить иврит. Таким образом, жизнь питает язык энергией, придает ему импульс для развития.

С этой точки зрения наиболее тесная и очевидная связь с жизнью обнаруживается у словообразования, которое отличается динамичным и процессуальным характером, определяя своеобразие и идиоматичность каждого языка. Основываясь на том, что «никогда нельзя полностью определено установить, ...с какой степенью методической точности он [язык] переходит от исходных понятий к производным», В. фон Гумбольдт называл словообразование самой глубокой и загадочной сферой языка [4, с. 112–113]. Надо полагать, что загадочным является как собственно словообразование, так и все процессы языковой номинации, общая цель которых – воплотить некий смысл в языковом знаке.

Современная наука, в том числе и лингвистика, стремится не только к междисциплинарности, но и к интегративности. «Лишь интегративный характер современных лингвистических исследований позволит создать такой сложный, многомерный, уникальный лингвистический образ языка» [10, с. 348]. Поэтому имеет смысл объединить в целях языковой типологии механизмы морфемной и семантической деривации, т. к. с точки зрения когнитивной

лингвистики их лингвистическая природа одинакова, «различна лишь роль в них единства акустической оболочки и акустического образа слова» [11, с. 219], см. также [12–15]. Смысл, созданный способом морфемной деривации в одном языке, в другом может быть получен путем семантического словообразования. Ср., рус. *выступ* 'выдающаяся вперед часть чего-л.' (морфемный дериват) и кирг. *тумшук* 'клюв, морда, рыло' – перен. *выступ* (вторичная номинация (метафора), семантический дериват). Например, *Тетиги тумшуктун учунда чөп арасында отурган эки кишини көрдүңбү?* – Видишь тех двоих, которые сидят на краю выступа среди трав? Один и тот же факт реального мира носителями разных языков был увиден и осмыслен по-разному.

Таким образом, лексическое значение мотивированного слова формируется как результат национально-культурной интерпретации и осмысления когнитивно-дискурсивной ситуации, в которой создается новый концепт, требующий соответствующего означивания. Внутренней пружиной его появления является потребность экономно закрепить в мотивированном слове в соответствии с запросами общества содержание, вначале представленное в форме пропозиции.

В этой связи не лишне задаться вопросом, откуда берутся и как формируются смысловые наращения, создающие национально-культурную идиоматичность слова. Ответ заключается в тесной связи процессов языковой номинации с жизнью, в соответствии с которой происходит переработка человеческого знания и опыта в мотивированные знаки. В этой связи целью настоящей статьи является попытка объяснить процессы языковой номинации и семиозиса языкового знака с позиций антропоцентрической лингвистики.

Говоря о том, что сущность языка не исчерпывается его грамматической структурой, В. фон Гумбольдт писал, что «его более своеобразный и подлинный характер покоится на чем-то гораздо более тонком, сокровенном и менее доступном для анализа» [4, с. 162]. Метод пропозиционально-фреймового моделирования, разработанный Л. А. Араевой и ее научной школой, позволяет исследовать «это сокровенное и менее доступное для анализа» – работу человеческого мозга; вскрыть механизм действия «черного ящика» по созданию новых слов с учетом национально-культурных особенностей этноса. Объектом исследования явился эмпирический материал, извлеченный из толковых, морфемных и словообразовательных словарей русского и киргизского языков, а также наблюдения за дискурсивной деятельностью носителей этих языков.

Результаты и обсуждение

Метод пропозиционально-фреймового моделирования исходит из допущения, что на самом абстрактном, глубинном уровне все языки устроены одинаково, а в их основе лежат универсальные для всех языков структурно-логические схемы в форме пропозициональных структур (ПС).

³ Кыргыз тилинин сөздүгү, түз. И. Абдувалиев, А. Акматалиев. Бишкек: Avrasya Yayınları, 2010. 1460 б. (Dictionary of the Kyrgyz language.)

Благодаря ПС возможен перевод с одного языка на другой, взаимопонимание между носителями разных языков и культур. Л. А. Араева и соавторы считают, что «Оязыковленные суждения (пропозиции), репрезентированные в границах пропозициональных структур, оказываются в плену конкретного языка, формируются с помощью тех грамматических средств, которые характерны для того или иного языка и тех культурных традиций, которые веками складывались у того или иного народа и запечатлены в его языке» [16, с. 50]. Представим процессы развертывания абстрактных ПС в языковые пропозиции и закрепление их в лексической системе языка (рис. 1).

Рис. 1. Пропозиционально-фреймовое моделирование
Fig. 1. Propositional frame modeling

Когда необходимо обозначить какую-либо ранее неизвестную вещь или факт из дискурсивной ситуации, человек на начальном этапе использует ословленное суждение в форме развернутой пропозиции, одновременно насаивая на нее свое восприятие и оценки, образы, ассоциации, эмоции, в результате чего создается национально-культурный фон данного концепта.

Созданию слова всегда предшествует какая-либо актуальная для этнического коллектива типизированная ситуация, в которой зарождается концепт. Говоря о роли практической деятельности (ситуации) для концепции Л. С. Выготского во вступительной статье к его сочинениям, А. Н. Леонтьев писал: «Вместо библейского "Вначале было слово" Гёте пишет "Вначале было дело". Для Выготского в проблеме генезиса мышления логическое ударение смещается на слово "вначале". Итак, вначале было дело (практическая деятельность), которое опосредовалось словом» [17, с. 31]. Смысл, выделенный и обозначенный с помощью пропозиции, с течением времени становился стереотипным суждением, обретал свойства концепта, т.к. «возникновение слова есть не одномоментный целенаправленный акт, результатом которого является новая лексическая единица (ее модель заранее известна творцу новообразования), а естественный коммуникативно-речевой акт, протяженный во времени и отражающий путь деривационного развития слова» [18, с. 39].

У человека появляется мотив к наречению некоего факта в условиях типизированной когнитивно-дискурсивной ситуации (рис. 2). Далее в его сознании возникает соответствующий

образ, подпитанный национально-культурными фоновыми знаниями. На следующем этапе человек пытается передать данный концепт в форме пропозиции, из которой бессознательно выбирается актуальный мотивировочный признак, закладываемый в основу процесса номинации. Так, слово *школьник* было создано путем свертывания ословленного суждения (пропозиции), передающего ситуацию 'тот, кто учится в школе'. Из этой пропозиции, следуя логике Н. В. Крушевского, «мы выбираем ... качество, кажущееся нам в данное время более важным, берем уже существующее слово, обозначающее что-нибудь родственное этому качеству, и из него делаем название нашему предмету» [19, с. 395]. В пропозиции *человек учится в школе* ключевыми являются слова *школа*, *учится*, которые и становятся мотивировочными признаками для производных слов *школьник*, *ученик*, *учащийся*. В киргизском языке выстраивается пропозиция *мектепте окуган бала*, в которой для коллективного сознания киргизов мотивировочным признаком становится лишь слово *окуган* 'учится', от которого образуется слово *окуучу* 'ученик'. Система киргизского языка допускает создание искусственного новообразования на базе мотивировочного признака *мектепчи** 'школа', в котором мог ситуативно закрепиться один из смыслов: директор школы, учитель или школьник, однако этого не произошло.

По Н. В. Крушевскому, «мало-помалу, вследствие продолжительного употребления, слово соединяется в такую неразрывную связь с представлением о вещи, что становится собственным и полным ее знаком, приобретает способность всякий раз возбуждать в нашем уме представление о вещи со всеми ее признаками» [19, с. 395]. Методом пропозиционально-фреймового моделирования становится возможным определить национально-культурную специфику когнитивной дефиниции, цель которой – описать, как носители того или иного языка понимают и интерпретируют

Рис. 2. Этапы семиозиса смысла в мотивированную единицу
Fig. 2. Stages of folding (semiosis) of meaning into a motivated unit

факты и явления окружающей действительности и используют эти смыслы для создания языковой картины мира. Эти смыслы актуализируются, становятся принадлежностью и типизированным значением языкового знака, которое с течением времени входит в языковое существование человека, отражая его жизненный опыт, чувства и мысли [20, с. 547].

В отношении мотивированных слов отметим, что типизированное значение словообразовательной структуры слова и дополнительные семантические компоненты, отражающие дискурсивную специфику применения мотивированного слова, сплавляются в единое лексическое значение слова, которое превращается в сознании носителя языка в мотивированный стереотип, обладающий национально-культурной ценностью. Стереотип – это представление о предмете, сформированное в коллективном языковом сознании, а ценность – «это то, что для человека и сообщества считается хорошим, ценным» [21, с. 217]. Мотивированные стереотипы создаются: 1) с ориентацией на лексико-словообразовательный образец; 2) с опорой на модель отношений словообразовательной производности [22, с. 49].

К первой группе мотивированных стереотипов относятся производные единицы со значением наименования мяса животных, птиц и рыб: *баранина, конина, свинина, курятина, осетрина*. Когнитивная дефиниция, отраженная в словарях различного типа, показывает, что стереотипные образы этих предметов обладают примерно одинаковым набором общих признаков в языковом сознании носителей разных языков, различаясь глубиной и степенью детализации знаний об этих предметах. К примеру, если для русского человека баранина – это всего лишь мясо данного животного, то для киргиза каждая часть туши барана, разделанного по определенным правилам, имеет ритуальный смысл. Что касается конины, то здесь на первый план выдвигается ценностная составляющая данного концепта, которая определяется средой проживания этноса, родом его занятий, национально-культурными традициями. В архетипах сознания киргизов и казахов утвердилось представление, что *чучук* 'конская колбаса' и *карта* 'прямая кишка лошади' являются лакомыми блюдами. Наличие подобной коннотации обусловлено тем, что эти кочевые народы, испокон веков занимавшиеся скотоводством, предпочитали есть мясо не любой лошади, а молодой, которую специально откармливали для забоя. На свадьбах и поминках до сих пор широко используют блюда из мяса этих животных для угощения многочисленных гостей.

В русском языковом сознании отношение к конине прямо противоположное: конское мясо не входит в предпочтения русских людей. Ср.: *Конина – и то раз в день... то есть,*

что я ... раз в неделю, говорю, конину едим (Е. И. Замятин); *Мяса почти нет совсем, оно очень дорого, да и то это – конина или малопитательная телятина или баранина* (С. Б. Веселовский)⁴.

Ко второй группе мотивированных стереотипов относятся слова с различной лексической семантикой, что позволяет отразить все многообразие модусов окружающего мира, множество различных ситуаций. Ср., слова киргизского языка, созданные по модели "глагол + ме (аффикс)" и реализующие ПС 'действие – результат действия': *кес* 'резать' – *кесме* 'лапша'; *тер* 'собирать' – *терме* 'импровизация без определенной темы'; *төк* 'лить' – *төкмө акын* 'певец-импровизатор (льется у него песня)'; *жар* 'дробить' – *жарма* 'похлебка из дробленого жареного зерна (пшеницы или ячменя, приправленная молоком, жиром, а также без приправы)' [23, с. 162].

Заключение

Мотивированное слово создается не само по себе, вне времени и пространства, а как результат отражения типизированной коммуникативной ситуации, компоненты которой (предметы, признаки, действия и др.) говорящий стремится обозначить. На значение, репрезентируемое словообразовательной структурой слова, накладываются дополнительные смыслы как результат отражения когнитивно-дискурсивной ситуации, в которой сформировалось слово. Они суживают и лексикализуют смысл мотивированного слова, делая его индивидуальным. Так, слово *кесме* могло обозначать любой предмет, полученный как результат действия *кес* (нарезанную бумагу, хлеб, стружки, овощи и др.). Однако благодаря дополнительным смыслам, приобретенным из внеязыковой действительности в определенной когнитивно-дискурсивной ситуации, слово *кесме* содержит в себе именно то знание о мире, которое закрепилось в сознании носителей языка (т. е. 'лапша'), в котором при употреблении слова одновременно всплывают все сопутствующие смыслы, отображается его национально-культурная специфика, определяющая стратегию и тактику речевого поведения.

Интересно заметить, что соотносительные по семантике концепты, создаваемые путем осмысления пропозиций того или иного языка, могут по-разному означаться в разных языках. Например, *кесме* 'лапша' в киргизском языке – результат морфемной деривации, в то время как соотносительное с ним русское слово *лапша* появилось в процессе первичного означивания концепта. Однако в русском языке образная составляющая данного концепта оказалась значимой в качестве мотивировочного признака, благодаря чему слово *лапша* активно используется в качестве источника процессов вторичной номинации⁵.

⁴ Примеры взяты из Национального корпуса русского языка. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 25.11.2021).

⁵ Лапша. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/180591/%D0%9B%D0%B0%D0%BF%D1%88%D0%B0> (дата обращения: 25.11.2021).

Лапша	
Первичная номинация	Вторичная номинация
1) изделие из пресного теста в виде узких тонких полосок	1) обрезки бумаги, ткани
2) кушанье, приготовленное из такого изделия	2) бесхарактерный, безвольный человек
	3) оценка чего-либо как выполненного небрежно, неточно, так, что концы с концами не сходятся

В тех случаях, когда еще не завершился процесс лексикализации значения, дополнительный смысл, черпаемый из внеязыковой действительности, может получить вербальное обозначение, в результате чего создаются номинативные словосочетания. Например, в дискурсе киргизской речи можно услышать уточнения выводимого значения: *ас* – ‘висеть’ – *асма* ‘висячий’. Слово *асма* не привязано жестко к какой-либо ситуации, поэтому приходится дополнять его смыслами, относящими слово к той или иной ситуации: *асма көпүрө* ‘висячий мост’, *асма үкөл* ‘висячий укол, капельница’. При этом обратим внимание на то, что ключевой мотивировочный признак из пропозиции избирается говорящим бессознательно, произвольно, и он может быть различным для разных языков. Ср., кирг. *асма үкөл* ‘висячий укол, капельница’ (мотивировочный признак опирается на слово *ас* – ‘висеть’ из пропозиции *бир нерсеге асылып, тамчылап берилген укол*); рус. *капельница* ‘прибор, устройство, откуда капает жидкость тонкой струей’ (актуальным в пропозиции становится признак ‘капать’, легший в основу создания слова). Как только данное слово закрепится за одной из ситуаций,

необходимость в пояснительном слове отпадет, как это случилось со словами *кесме*, *терме*, *жарма* и др.

Понятия *мотивация* и *мотивировочный признак* относятся к одним из базовых принципов в организации элементов в систему языка. Они рождаются на пропозиционально-фреймовом уровне и служат целям генерирования слова, в процессе которого, по А. С. Выготскому, «мысль совершается в слове, а не выражается только в нем» [17, с. 162].

Способность мотивированного слова приспосабливать системное значение семантической структуры к отображению конкретной реальности, дополняя его наращенными смыслами, делает язык гибким орудием человеческой мысли, способным передавать и описывать все разнообразие мира.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Междунар. научн. конф. «Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения», посвященной памяти проф. Л. А. Араевой. Кемерово, 3–5 февраля 2022 г.

Acknowledgment: The article is based on the report presented at the International Scientific Conference Actual Issues of Linguistics and Literary Studies, held in Kemerovo on February 3–5, 2022, and dedicated to the memory of Prof. L. A. Araeva.

Литература / References

1. Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе: Б. и., 1969. 165 с.
Zenkov G. S. *Theory of word formation*. Frunze, 1969, 165. (In Russ.)
2. Зенков Г. С. Принципы организации словообразовательных элементов в систему и возможности ее описания. Бишкек: КРСУ, 2004. 346 с.
Zenkov G. S. *Principles of organization of word-building elements into a system and the possibilities of its description*. Bishkek: KRSU, 2004, 346. (In Russ.)
3. Карасик В. И. Биосоциальная сущность языка в лингвокультурологическом аспекте. *Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования*, отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2012. Вып. 17. С. 25–37.
Karasik V. I. Biosocial essence of the language in the linguaculturological aspect. *Cognitive linguistics and conceptual studies*, ed. Pimenova M. V. Kemerovo: KemSU, 2012, iss. 17, 25–37. (In Russ.)
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
Humboldt W. von. *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress, 1984, 397. (In Russ.)
5. Араева Л. А. Аргументация языковых фактов в аспекте антропоцентрической парадигмы. *Лингвистика как форма жизни*, под ред. П. А. Катыхшева, Т. В. Артёмовой. М.: Ленанд, 2015. Вып. 3. С. 21–46.
Araeva L. A. Argumentation of linguistic facts in the aspect of the antropocentric paradigm. *Linguistics as a form of life*, eds. Katyshev P. A., Artemova T. V. Moscow: Lenand, 2015, iss. 3, 21–46. (In Russ.)
6. Араева Л. А. Словообразовательный тип. М.: Либроком, 2009. 272 с.
Araeva L. A. *Word-formation type*. Moscow: Librokom, 2009, 272. (In Russ.)
7. Кравченко А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: ИГУ, 1996. 160 с.
Kravchenko A. V. *Language and perception: cognitive aspects of linguistic categorization*. Irkutsk: ISU, 1996, 160. (In Russ.)
8. Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. *Общая лингвистика*, под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. С. 5–16.

- Stepanov Iu. S. Emile Benveniste and linguistics on the path of transformation. *General linguistics*, ed. Stepanov Iu. S. Moscow: Progress, 1974, 5–16. (In Russ.)
9. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта; Наука, 2016. 180 с.
Maslova V. A., Pimenova M. V. *Linguistic culture codes*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 180. (In Russ.)
 10. Сабитова З. К. Новые лингвистические направления XX–XXI вв. *Język i metoda*. 2012. № 1. С. 347–360.
Sabitova Z. K. New linguistic directions of the XX–XXI centuries. *Język i metoda*, 2012, (1): 347–360. (In Russ.)
 11. Щербак Н. Н. Семантическое словообразование как лингвистическая проблема. *Омский научный вестник*. 2006. № 1. С. 215–220.
Shcherbakova N. N. Semantic word formation as linguistic problem. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2006, (1): 215–220. (In Russ.)
 12. Тагаев М. Дж. Морфемно-словообразовательный словарь как тип когнитивно-дискурсивного описания функционирования неродного языка. *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология*. 2004. Т. 17. № 1. С. 44–51.
Tagaev M. Dzh. Morphemic-derivative dictionary as a type of cognitive-discursive description of the functioning of a non-native language. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya*, 2004, 17(1): 44–51. (In Russ.)
 13. Тагаев М. Дж. Полипарадигмальное описание морфемики и словообразования (на материале русского и киргизского языков). Бишкек: КРСУ, 2004. 282 с.
Tagaev M. Dzh. *Polyparadigm description of morphemics and word formation in the Russian and Kyrgyz languages*. Bishkek: KRSU, 2004, 282. (In Russ.)
 14. Бутакова Л. О. Природа семантической деривации: когнитивный аспект. *Семантическая деривация и ее взаимодействие с морфемной*, ред. Б. И. Осипов. Омск: ОмГУ, 2003. С. 20–35.
Butakova L. O. The nature of semantic derivation: the cognitive aspect. *Semantic derivation and its interaction with morphemic*, ed. Osipov B. I. Omsk: OmSU, 2003, 172. (In Russ.)
 15. Тагаев М. Дж. Морфемно-словообразовательная концептосфера как дискурсивно-семантическое поле смыслопорождения. *Вестн. Віцеб. дзярж. ун-та*. 2004. № 4. С. 64–69.
Tagaev M. Dzh. Morphemic word-building as a discursive-semantic field of meaning generation. *Vestnik VDU*, 2004, (4): 64–69. (In Russ.)
 16. Языковая картина мира телеутов, науч. ред. Л. А. Араева; отв. ред. А. В. Проскурина. 2-е изд., испр. и доп. Кемерово: КемГУ, 2018. 280 с.
Linguistic worldview of the Teleuts, eds. Araeva L. A., Proskurina A. V. 2nd ed. Kemerovo: KemSU, 2018, 280. (In Russ.)
 17. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
Vyotsky L. S. *Collected works. Vol. 1. Theory and history of psychology*. Moscow: Pedagogika, 1982, 488. (In Russ.)
 18. Голев Н. Д. Словообразование как эволютивный процесс. *Русский язык в школе*. 2010. № 12. С. 39–44.
Golev N. D. Word formation as an evolutionary process. *Russkii yazyk v shkole*, 2010, (12): 39–44. (In Russ.)
 19. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. *Хрестоматия по истории русского языкознания*, сост. Ф. М. Березин, под ред. Ф. П. Филина. 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1977. С. 382–398.
Krushevskii N. V. Essay on the science of language. *The history of Russian linguistics*, comp. Berezin F. M., ed. Filin F. P. 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk., 1977, 382–398. (In Russ.)
 20. Плахотная Ю. И. Ассоциация как механизм когнитивной деятельности в формировании концептуальной картины мира. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 2. С. 541–550. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-541-550>
Plakhotnaya Yu. I. Association as a cognitive activity mechanism in shaping a conceptual worldview. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 541–550. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-541-550>
 21. Небжеговска-Бартмиńska С. Стереотипы и ценности в языковой картине мира. *Текст в языке, речи, культуре*. Мн.: РИВШ, 2017. С. 215–233.
Niebrzegowska-Bartmińska S. Stereotypes and values in the linguistic worldview. *Text in language, speech, and culture*. Minsk: RIVSh, 2017, 215–233. (In Russ.)
 22. Кубрякова Е. С. Размышления об аналогии. *Сущность, развитие и функции языка*, отв. ред. Г. В. Степанов. М.: Наука, 1987. С. 43–51.
Kubryakova E. S. Reflections on analogy. *Essence, development, and functions of the language*, ed. Stepanov G. V. Moscow: Nauka, 1987, 43–51. (In Russ.)
 23. Камбаралиева У. Д., Стернин И. А. Русское и киргизское коммуникативное поведение. Воронеж: Ритм, 2021. 216 с.
Kambaralieva U. Dzh., Sternin I. A. *Russian and Kyrgyz communicative behavior*. Voronezh: Ritm, 2021, 216. (In Russ.)